

Коучинговая
фантастическая
повесть
НЕДРы разума

Татьяна Маковецкая

Татьяна Сергеевна Маковецкая

Недры разума. Коучинговая

фантастическая повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68657366

SelfPub; 2023

Аннотация

Наши эмоции, размышления и внутренние переживания зачастую настолько яркие, причудливые и имеющие различные формы выражения, что кажется единственный целесообразный вариант – описать их в жанре фантастики. В этой книге вы найдете и коучинговые практики, и захватывающий сюжет, и колоритных персонажей, а также множество морально-этических дилемм, которые мучают целые поколения.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	10
Глава 3.	14
Глава 4.	21
Глава 5.	29
Глава 6.	33
Глава 7.	40
Глава 8.	45
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Татьяна Маковецкая

Недры разума. Коучинговая фантастическая повесть

Глава 1.

Профессор Малиновский внимательно вглядывался в монитор. Как всегда по воскресеньям он составлял расписание на неделю, но в этот раз все дела просто не хотели помещаться в 7 дней и 24 часа в каждом из них. Новая группа студентов, которую ему направили на практику, занимала колоссальное количество времени. Раньше студенты еще что-то учили сами и пытались применять на практике, но после 2050 года они стали получать информацию через нейротрансмиттеры, и это были просто мегабайты неструктурированных и несопоставимых данных, которые ему предстояло выстроить для них в логические цепочки. Он с грустью ностальгировал о былых временах, когда он – молодой профессор нейрофизиологии – читал лекции вживую, обмениваясь опытом с юными умами и жадно впитывая новые идеи, которые приносили особо дотошные в обучении студенты, вспоминал, как увлекательно было дискутировать об эффективности разных методов усвоения информации.

«Все!», раздраженно воскликнул профессор, захлопывая крышку своего древнего ноутбука. «К чертям расписание!» «Сделаю столько, сколько успею!»

Он вышел в сад. Солнце медленно закатывалось за горизонт, на котором виднелись огромные машины для засеивания полей, от их гула пение птиц было еле различимым. Профессор вздохнул, погладил рыжего кота, который вальяжно растянулся на траве, и пошел ужинать.

Утро понедельника было весьма насыщенным – в лабораторию привезли пациента с недиагностируемым расстройством личности. Это был мужчина, высокий, худощавый, лет 30-ти со светлыми спутанными волосами и весьма пронзительным взглядом. Его глаза были совершенно необычного изумрудного цвета, профессор такие видел впервые. Он постоянно что-то бормотал, как будто рассказывал истории – возможно, это были воспоминания, возможно, выдумки воспаленного ума, и он совершенно не реагировал на окружающих – он находился в своем собственном мире. Любые попытки привлечь его внимание заканчивались одинаково – ничем. Вселенная как всегда вовремя подкинула Малиновскому подопытного – он всего неделю назад закончил изготовление шлема виртуального присутствия, который показывал, что происходит в голове у испытуемого, и размышлял о том, что опыты на обезьянах ему не очень интересны, а вот попробовать его применить на человеческой особи будет весьма любопытно. Он проследил, чтобы на пациента недели

шлем, и надежно его закрепили, и подключился к процессу.

То, что он увидел, было весьма нелицеприятно – перед ним находилась бочка с чем-то вязким, темного цвета, похожего на мазут. Масса двигалась, и профессору стало любопытно, подойти рассмотреть субстанцию поближе. Малиновский стоял прямо над бочкой и внимательно всматривался в черноту, и вдруг он осознал, что это не просто какая-то масса – это множество неизвестных ему существ хаотично двигались в этом пространстве. Он прислушался. Казалось, будто он слышит стоны. Профессор наклонился еще ниже, и вдруг он потерял равновесие и упал прямо в бочку. Его обуял страх, и головой он понимал, что физически ему ничего не угрожает, но в психике человека столько неизученного... Малиновский осознал, что он зажмурил глаза, да так сильно, что пошли радужные круги.

«Так, что за детский сад, тебе уже 60, ты видел все, что можно, успокойся!»

Профессор открыл глаза. Он находился в коридоре с множеством комнат. Дверей не было, а в каждой из них находились люди, которые плакали, стонали, кричали, что им плохо, они хотят выбраться, хотят, чтобы этот ад закончился. Профессору стало любопытно, и он заглянул в одну из комнат. В ней находилась женщина, она сидела посередине комнаты и тихонько подвывала.

Малиновский спросил: «Здравствуйте. Двери же нет? Почему вы не выходите?»

Женщина подняла на него глаза и ответила: «Я не могу выйти. Я сама выбрала страдать».

Профессор был озадачен. Эта женщина казалась ему очень знакомой, и он судорожно пытался вспомнить, откуда он ее знает.

Он спросил ее: «Как вас зовут?»

Женщина ответила: «Меня зовут Разочарование».

Профессор был ошарашен. Он вдруг узнал ее. Когда ему было 5 лет, воспитательница в детском саду постоянно повторяла: «Андрюша, ты меня опять разочаровал, ну, сколько можно просить убирать за собой игрушки!» Малиновский подумал, что, наверное, он заснул... Он же находится в голове 30-го мужчины. Откуда он знает про его воспитательницу? Он вылетел из комнаты, сердце билось как бешенное. Его выкинуло из процесса.

Вокруг него собрались ошарашенные лаборанты. На него смотрели 6 пар вопросительных глаз. Профессор спросил: «Что с вами?»

Один из лаборантов, Любочка, она всегда была в первых рядах и рвалась выполнить любые задания самой первой, произнесла: «Андрей Александрович, вы кричали, что произошло? Что вы увидели?»

Малиновский опешил. Я... Кричал... Он посмотрел на пациента – тот сидел в той же позе и продолжал бормотать – ничего не изменилось. Волна стыда накрыла профессора с головой, он перестал чувствовать ноги. Вдруг детские вос-

поминания нахлынули на него с такой силой, что он потерял способность говорить, горячий ком застрял в горле, ему было тяжело дышать. Он написал на листе бумаги «Всем выйти!» и показал ее лаборантам. Комната опустела.

В голове у Малиновского была одна мысль – «коробочное дыхание». Он начал считать: вдох, два, три, четыре, задержка, два, три, четыре, выдох, два, три, четыре, задержка, два, три, четыре. Он дышал около уже 10 минут, когда стал чувствовать ноги, сознание прояснилось, и он начал приходить в свое нормальное рабочее состояние. Профессор подошел к пациенту, снял с него шлем и повел в палату. Этот мужчина был похож на послушного ослика – Малиновский вел его за руку и он послушно шел за ним. Что это за насмешка Вселенной, почему у этого несчастного в голове то, чего быть не должно.

Рабочий день закончился. Профессор решил, что сегодня ему необходимо прогуляться и проанализировать то, что произошло. Он уже давно не ощущал таких эмоций как стыд и разочарование, и очень хотел разобраться в том, что почувствовал и почему. Он оставил машину на парковке лаборатории и отправился домой через лесополосу. Небо было затянуто серыми тучами, солнечные лучи кое-где проглядывали сквозь облака, ветер мягко шелестел листьями. Под ногами потрескивали сухие веточки. Воздух был очень вкусным – пахло сосновой смолой. Малиновский чувствовал себя спокойно и тревожно одновременно. Если бы его сейчас

попросили описать то, что он чувствует, он бы сказал, что видит перед собой огромный океан, и вроде на глади воды почти нет волн, но он точно знает, что внутри бушует шторм.

Глава 2.

Когда профессор подошел к своему дому, уже почти стемнело. Вечер был очень теплым, поэтому окно на кухне было открыто нараспашку. Из него вырывалась дикая музыка Rammstein. Его супруга Янина любила слушать эту группу, когда готовила. Малиновский тихонько пробрался в дом и застыл в дверях кухни. Янина жарила картошку с грибами, пританцовывая и подпевая. Запах стоял просто космический. Он любил наблюдать за ней. Она покачивала бедрами, в руке была ложка, изображающая микрофон, было видно, что она испытывает невероятное удовольствие от процесса. Малиновский всегда восхищался, насколько его жена всегда каким-то магическим способом наслаждалась каждым моментом жизни. Он подошел, сзади, обнял ее и поцеловал в макушку. Янина повернулась и хитро улыбнулась: «Ага, пришел, наконец, на запах вкуснятинки, я специально для тебя окошко открыла» и засмеялась.

Янина сняла сковородку с плиты и понесла на веранду.

– Андрюша, давай сегодня поужинаем на веранде? Принесешь туда тарелки с вилками? А я пока чай заварю.

– Да, давай, милая, хорошая идея – вечер просто чудесный.

Рыжий кот уже занял стратегически важный наблюдательный пункт. Хотя он был сыт, но охотничий инстинкт всегда

брал вверх. Что-то стащить со стола было всегда чертовски приятно. Он довольно замурлыкал, предвкушая добычу.

Супруги уютно расположились на веранде. Фоном подпевали сверчки, иногда ухала сова. Луна была почти полной, ярко желтого цвета с пятнышками, ее свет лился словно рекой по глади травы.

– Дорогой, а ты сегодня без машины? Что-то случилось? Янина заметила, что на стоянке нет автомобиля супруга.

– Сегодня случилась весьма странная вещь... Помнишь, я рассказывал, что работаю над шлемом виртуального присутствия?

– Да, конечно, улыбнулась Янина, тебе всегда нравилось копаться у людей в голове.

– Сегодня к нам в лабораторию привезли молодого мужчину, который совершенно не реагирует на происходящее вокруг него, и я решил посмотреть, что происходит у него в голове. Но когда я подключился, я увидел там то, чего там быть не должно – свою детсадовскую воспитательницу, и она сказала, что ее зовут «Разочарование». Я был настолько ошарашен, что даже испытал что-то вроде панической атаки – поэтому и решил прогуляться через лесополосу, а машину оставил на рабочей стоянке.

– Хм. Интересно... А как ее зовут на самом деле ты помнишь?

Профессор задумался...

– Ты знаешь, не могу вспомнить, это было так давно. Но

тогда, во время панической атаки я осознавал, что испытываю две эмоции – стыд и разочарование. Я был так удивлен. Я и не помню уже, когда что-то могло вызвать во мне эти эмоции.

Янина издала смешок, она явно пыталась сдержаться, но не смогла.

– Андрей, ты помнишь, как ты говоришь о своих студентах? Она манерно закатила глаза и произнесла: «Ох. Раньше студенты хоть что-то делали сами. А сейчас что? Сплошное разочарование.» И еще более манерно закрыла глаза ладонью.

Янина внимательно смотрела на мужа, у которого явно начался мыслительный процесс – в такие моменты он как будто подзависал на несколько секунд. Она понимала, что ему нужно дать это время – проанализировать то, что произошло, и просто наблюдала.

Кот тоже наблюдал. Его убаюкивали разговоры этих двух особей, которые жили на его территории, и он провалился в сон и засопел.

Через некоторое время профессор вздохнул и произнес: «Я вспомнил, как ее зовут», он говорил про воспитательницу. Мария Ивановна. Она всегда была какая-то грустная, в своих мыслях. И вроде старалась всем угодить, но у нее не получалось. Она была разочарована во всем и всех вокруг, особенно в себе. В бесконечном колесе самобичевания...

– Это ты в детском саду еще понял? Янина слегка удиви-

лась.

Профессор взвел брови и произнес: «Милая, ну нет, конечно, это я сейчас понимаю, что происходило. Тогда не понимал. В то время я считал, что это я – разочарование. Я просто об этом забыл.

Янина обняла супруга, поцеловала в лоб и произнесла: «Утро вечера мудренее, пошли спать.»

Она взглянула на сопящего неподалеку кота. Эта женщина видела этого рыжего проныру насквозь – конечно она оставила ему «добычу», небольшой кусочек мяса, чтобы охотник остался доволен. Супруги тихонько собрали посуду и отправились в дом.

Рыжий клубочек приоткрыл глаза. На столе явно что-то осталось. Он принюхался – зрачки расширились. Он ловко вскочил на стол, подцепил лапой кусочек кролика и отправил прямиком в пасть. Охотник был доволен. Он спрыгнул и побежал в траву гонять сверчков.

Глава 3.

Утро вторника началось в семье Малиновских чуть раньше обычного. Профессор вышел из дома, на улице стоял густой туман. Малиновский подумал про себя, что неплохо бы в такую погоду иметь противотуманный фонарик, особенно когда идешь через лес, да еще и компас, на всякий случай. Он улыбнулся, потому что представил себя в образе исследователя, который пошел покорять очередной туристический маршрут. В лесу громко пели птицы, воздух был густым и влажным, а трава усыпана мелкими каплями росы.

Он вошел в лабораторию в момент, когда его сотрудники громко обсуждали случившееся вчера. Они спорили, что же значило необычное поведение профессора и при этом полное отсутствие реакции со стороны пациента.

Малиновский подошел к ним совсем близко и негромко кашлянул. Лаборанты подскочили от неожиданности и разбежались по своим рабочим местам.

– Господа, сегодня я буду проводить сеанс с пациентом один на один. А вам предстоит взять на себя группу студентов, которую нам прислали на практику, и отработать с ними навыки ведения протоколов исследований.

Профессор увидел, что Любочка уже набирает в рот воздуха, чтобы что-то сказать, поэтому он поднял руку и жестом указал всем на дверь. Когда комната опустела, Малиновский

пил себе чаю и сел работать над планом исследования пациента.

Через пару часов он вызвал дежурную санитарку, чтобы та привела пациента в лабораторию. Профессор надел на мужчину шлем, повесил на дверь табличку «Не беспокоить», включил видеозапись и сам подключился к процессу.

В этот раз он сразу попал в коридор с комнатами без дверей. Все было таким же, как в предыдущую сессию. Он решил осмотреться и пошел дальше по коридору, попутно заглядывая в комнаты. Некоторые комнаты были пустыми, в некоторых находили люди, всегда по одному, но ни в одной комнате не было ни окон, ни дверей. Профессор вернулся в начало коридора и зашел в комнату к своей воспитательнице. Она сидела в той же позе и тихонько плакала.

– Мария Ивановна, здравствуйте, это я – Андрей Малиновский, вы были моей воспитательницей, вы помните?

Женщина никак не отреагировала.

Тогда профессор произнес «Разочарование».

Женщина подняла голову и ответила: «Это я».

Малиновский сел на пол напротив женщины. Он был очень теплым, его поверхность была на ощупь шершаво бархатистая. Вся комната была светло-бежевого цвета, и как будто все поверхности излучали свет, поэтому в комнате было светло и даже уютно.

«Разочарование, для чего вы здесь?» Профессор внимательно смотрел на женщину.

«Это мой выбор, моя суть.» Женщина перестала плакать, но взгляд ее был направлен в пустоту. Она смотрела сквозь Малиновского, как будто не видела его.

«Вы давно тут?» спросил профессор.

«С того, момента, как тебе исполнилось 5 лет.» Ответила женщина.

Малиновский удивленно вскинул брови. Она говорит про него? Хотя он уже принял для себя ту гипотезу, что находясь в голове другого человека, он как будто видит свое сознание, это все равно вызывало недоумение.

«Ты часть меня?» Спросил профессор.

«Я – зеркало.» Женщина встала, подошла к профессору и взяла его за плечи. Ее взгляд по-прежнему был невидящим. Она тихо прошептала: «Посмотри в меня, что ты видишь?»

Профессора начало затягивать в какую-то воронку, все поплыло перед глазами, его с бешеной скоростью несло по туннелю, петля за петлей он спускался вниз в неизвестность.

Внезапно он оказался на пляже. Он ощущал себя очень легким. Все тело стало прозрачным и воздушным.

Возле кромки воды на песке играл маленький мальчик, он строил куличики из песка. У него на голове была смешная бело-голубая панамка. Рядом с ним на песке растянулся мужчина. Он встал и произнес:

– Андрюша, сынок, пойдем в воду, я научу тебя плавать. И протянул руку малышу.

Малыш бросил игрушечный совочек и побежал в воду.

Профессор наблюдал, как мужчина учил мальчика плавать, но у того ничего не получалось. Каждый раз, когда отец отпускал его, мальчик начинал тонуть. После нескольких попыток, мужчина вынес ребенка на берег, на лице его застыло разочарование. Мальчик был растерян. Он смотрел на отца.

Малиновского пронзило. Он понял, что видит себя в детстве, а мужчина – его отец.

Внезапно он оказался в лабиринте. Его опять несло в неизвестность, но на этот раз он плавно плыл куда-то вверх.

Он очутился в квартире. Пахло булочками с корицей. Такие часто пекла его мама. Он прислушался. Голоса в одной из комнат спорили по поводу оценок. Профессор придвинулся поближе.

– Андрей, почему по математике ты получил 4? Мы ведь договаривались, что в этой четверти ты сдашь все предметы на 5?

– Папа, я старался, но Светлана Николаевна не разрешила переписать контрольную. Я к ней несколько раз подходил.

– Я разочарован, Андрей, ты не выполнил данное мне обещание.

– Прости пап, я правда очень старался.

Малиновского душили слезы, он снова узнал себя и отца. В груди все горело огнем. Ему хотелось просто исчезнуть. Провалиться сквозь землю. Он закрыл лицо руками и затрясся от слез. Ему всегда так не хватало поддержки отца. Он так страстно желал, чтобы тот им гордился.

Вдруг, он почувствовал, как его мягко взяли за плечи и встряхнули. Профессор открыл глаза. Он снова находился в комнате с «Разочарованием». В этот раз глаза женщины смотрели уже не сквозь него, взгляд ее был осознанным и пронзительным.

– Ты увидел себя? Женщина села напротив Малиновского.

– Для чего ты показала мне все это? Это так больно вспоминать.

– Эта боль съедает тебя изнутри, она весьма коварна. У тебя есть возможность прожить эту боль, принять ее и отпустить, а не спрятать ее в дальних закоулках своей души, чтобы она там гнила и отравляла все вокруг. Все, что ты запрятал внутри, всегда отражается снаружи.

Малиновского выбросило из процесса.

Он огляделся вокруг, вытер руками мокрое от слез лицо. Его пациент сидел в той же позе, что и в начале сессии.

Профессор подошел к мужчине и снял с него шлем. В этот раз пациент ничего не бормотал. Просто молчал – что-то изменилось. Малиновский отвел мужчину в палату и отправился в аудиторию, проверить, как его лаборанты работают со студентами.

Он тихонько расположился на последнем ряду и стал внимательно слушать.

Удивительно, но в этом потоке попались какие-то удивительно умные ребята. Каждый из них, отвечая на вопросы ла-

борантов, освещал новые интересные грани такого скучного процесса, как написание протоколов. Профессор впервые за долгое время не мог сказать, что он разочарован в студентах. Да и своих лаборантов он увидел в совершенно ином свете – они были сосредоточены, вдохновлены, а студенты их внимательно слушали.

Малиновский тихонько вышел из аудитории и вернулся в лабораторию.

Он бегло просмотрел видеозапись сегодняшней сессии – удивительно, но когда он зарыдал, пациент перестал бормотать. Профессор отметил этот важный момент в протоколе.

Вернувшись домой, он первым делом достал старые альбомы с фотографиями. Янина сегодня вечером уехала навещать подругу, поэтому он мог в тишине и одиночестве проанализировать события последних двух дней. Он всматривался в старые фотографии: на одной отец гордо стоял с его грамотой за 1 место в соревнованиях по самбо вместе с ним, на другой они втроем с мамой улыбались сидя за столиком в кафе-мороженое, а вот и фотография со смешной бело-голубой панамкой. На всех фотографиях отец улыбался и обнимал сына.

Малиновский вдруг ясно осознал, что на самом деле отец всегда гордился им. Он не часто это показывал, поскольку был всегда очень сдержанным и сосредоточенным, ведь на нем лежала ответственность за благополучие всей семьи, но эти фотографии отражали ту безграничную любовь, которую

испытывает родитель к своему ребенку. Профессор ощутил невероятную свободу. Ему было так легко дышать. Он чувствовал огромную любовь и благодарность к тому, какие волшебные события произошли в его жизни в последние два дня.

Рыжий кот сидел на окне и наблюдал за человеком. Ему было тепло и уютно.

Глава 4.

За окном барабанил дождь. Темно-серые тяжелые тучи царственно плыли по небу. Все вокруг жадно впитывало влагу, давно устав от сильной засухи – дождя не было уже три недели.

Зазвонил будильник, Малиновские проснулись, и в унисон сказали: «Еще бы сегодня поспать в такую погоду, и рассмеялись». Обычно после пробуждения утром они бегали, но сегодня в связи с погодой утренняя зарядка состоялась дома. Рыжий кот принимал активное участие, показывая, как нужно правильно потягиваться и стоять в позе «кошака мордой вниз».

Янина варила кофе – она любила готовить его в турке, мурлыкая под нос детскую песенку про тридцать три коровы, а Малиновский сосредоточенно намазывал масло на кусок хлеба, чтобы не пропустить ни одного уголка, затем отрезал кусочек сыра, и, откусив бутерброд, изобразил на лице неопишуемое блаженство.

После завтрака, поцеловав на прощание жену, профессор поехал на работу. Сегодня он опять планировал поработать с пациентом – ему было очень интересно, какие метаморфозы случатся с ним дальше. Он уже точно решил, что студентами в основном будут заниматься его лаборанты, а он посвятит больше времени исследованиям. Он припарковался, дождь

уже закончился. Все вокруг было свежим и сверкало от капелек дождя. Профессор вошел в здание, и взгляд его упал на баннер в холле – «Исследовательская лаборатория им. А. А. Малиновского – кузница талантливейших нейрофизиологов России», он улыбнулся и направился к себе в кабинет.

На 11 утра была назначена планерка с лаборантами. На ней профессор хотел поделиться с ними планом обучения студентов, собрать обратную связь от ребят, и официально назначить их кураторами потока. Его лаборанты были весьма талантливыми нейрофизиологами, и специализировались в разных направлениях: Любочка была специалистом в области клинической нейрофизиологии, она обладала энциклопедическими знаниями особенностей функционирования мозга при паталогических процессах, Денис был асом возрастной нейрофизиологии, а Константин в совершенстве знал общую нейрофизиологию и все о закономерностях функционирования нервной системы на всех уровнях.

Ровно в 11.00 три лаборанта стояли в кабинете Малиновского, на лицах их отражался немой вопрос: «Для чего мы тут собрались?»

– Итак, ребята, вчера я наблюдал, как вы вели работу со студентами, и был весьма приятно удивлен, насколько органично у вас выстроилась коммуникация с ними. Я решил сделать вас официальными кураторами этой группы, поэтому сегодня хотел бы обсудить план обучения и попросить вас дать обратную связь по этому вопросу.

Профессор внимательно смотрел на ребят. Их лица были настолько сосредоточенными, что Малиновскому казалось, что он видит, как передаются импульсы по нейронам у них в головах. Они явно были слегка ошарашены, но пытались сохранить спокойствие.

Любочка «отвисла» первая:

– Андрей Александрович, а вы уверены, что у нас хватит опыта?

– Я уверен, что да. Малиновский одобрительно обвел взглядом всех троих.

– Денис, Константин, есть возражения? Спросил Малиновский.

Ребята активно замотали головами.

– Нет, Андрей Александрович, это необычно, но интересно. Сказал Константин и улыбнулся.

– Отлично! Воскликнул профессор. Давайте обсудим план обучения.

Через час все вопросы были решены, и Малиновский направился за пациентом. Когда он зашел в палату, мужчина сидел на кровати и просто смотрел в пустоту, он молчал. Профессор взял его за руку, и повел в лабораторию. Их шаги отдавались гулким эхом в начищенном до блеска коридоре. В здании стояла полная тишина.

Проведя все приготовления, профессор подключился к процессу. Он думал, что опять попадет в тот же самый коридор, но перед ним был океан. Он находился на пустынном

берегу, и стоял почти в воде – волны тихонько накатывали на его босые ноги, и также плавно откатывались назад. Вода была достаточно прохладной, глубокого синего цвета. Малиновский посмотрел на небо – оно было необычным, без облаков, на нем не было ни солнца, ни луны. Он не слышал птиц. Только шум волн. Профессор посмотрел на свои ноги, пошевелил пальцами и подумал: «Наверное, это что-то должно означать, но сейчас я пока не понимаю что». Он обернулся. Вокруг простиралась пустыня песка. Малиновский усмехнулся: «Ааа понял, в обуви по песку ходить не удобно». Он направился вглубь пустыни – плавать ему не хотелось, а вот прогуляться было интересно, вдруг он найдет что-то необычное.

Профессору казалось, что он идет уже целую вечность, ноги увязали в песке все глубже. Хорошо, что хоть температура была очень комфортной, ему не было ни жарко, ни холодно, а еще совсем не было ветра – это было крайне странно для такого открытого пространства. Вдруг, он увидел что-то похожее на купол, он был белого цвета и переливался как перламутр. Малиновский ускорил шаг.

Через несколько минут он уже стоял у небольшого шатра. Какой же он красивый, подумал профессор. Как большая белая жемчужина. Малиновский вплотную приблизился к шатру, и прикоснулся к нему – на ощупь это была очень приятная, гладкая ткань, похожая на шелк, но при этом очень плотная. Он прислушался. Стояла оглушительная тишина

– настолько, что профессор слышал, как бьется его сердце. Малиновский решил обойти объект вокруг и поискать вход.

Он шел вдоль шатра, внимательно осматривая его – но эта конструкция была как будто без швов. Профессор решил спросить:

– Здравствуйте, есть кто внутри?

И тут как будто в его голове прозвучал голос: «Положи две руки на шатер».

Профессор подчинился. Вдруг, он оказался внутри огромного купола. Снаружи он не казался таким большим. Все вокруг было такого же белого цвета с перламутровым отливом.

В голове опять прозвучал голос: «Зачем ты здесь?»

Профессор ответил: «Я исследую человеческий разум».

Голос сказал: «Ответ не принимается. Зачем ты здесь?»

Малиновский задумался, и через минуту произнес: «Я хочу помочь пациенту жить полной жизнью».

– А сам ты живешь полной жизнью? Голос раскатисто захохотал.

Профессор опешил. Такого он не ожидал.

Голос продолжил: «В тебе есть страх. Пока ты не примешь его в союзники, ты не сможешь никому помочь».

– Как мне это сделать?

– Я могу тебе показать, но тебе это очень не понравится.

Голос снова расхохотался.

– Я готов! Мне уже нечего бояться! Выкрикнул Малинов-

ский.

Перед глазами все поплыло, профессора затошнило, и он потерял сознание.

Малиновский очнулся. В нос ударил резкий запах. Он приподнялся на одно плечо и постарался оглядеться. Профессор находился в клетке, на полу была солома, а сам он был абсолютно голым. Вокруг было много таких же клеток, в которых сидели разные животные. Все они издавали звуки, и эта какофония уже начинала сводить Малиновского с ума.

– Я что, в зоопарке? Профессор попытался позвать кого-нибудь, но из горла вырвался только гортанный нечленораздельный звук. Он попытался опять, но получилось то же самое. И тут Малиновского накрыло волной липкого, холодного страха. Он каждой клеточкой тела ощутил это непередаваемое ощущение. Его затрясло. Он вскочил на ноги и стал трясти прутья решетки. Он орал, метался по клетке в поисках выхода. И, в какой-то момент он осознал, что остальные животные тоже мечутся в своих клетках, пытаясь выбраться.

– Что происходит? Что я должен понять? Почему я не могу говорить?

Профессор попытался успокоиться, он старался равномерно дышать, но мысли хаотично прыгали в его голове, словно шарики пинг-понга в закрытом пространстве. Через некоторое время Малиновский понял, что обессилел. Он сидел посреди клетки, и тихонько выл.

Вдруг, стало очень тихо. Все звуки исчезли. Профессор

поднял голову и увидел своего пациента. Он стоял снаружи клетки и внимательно на него смотрел. Он начал говорить, но Малиновский не понимал ни слова. Тот издавал какие-то непонятные звуки, как будто говорил на инопланетном языке, он говорил очень спокойно и размеренно.

Профессор схватился за голову: «Боже! Что это за ерунда? Почему я его не понимаю?»

Мужчина, показал профессору две ладони и исчез.

Малиновского осенило, может по аналогии с шатром – две ладони, куда приложить? К прутьям? К соломе? К голове? Он еще раз внимательно осмотрел клетку. Может, под соломой? Он стал выгребать ее из клетки. Но там тоже оказались прутья. Профессор сказал себе «стоп». Хватит метаться. Нужно просто спокойно подумать.

Что такое страх? У него в голове всплыло определение: «Это эмоция, которая возникает в ситуации угрозы биологическому или социальному существованию человека. Она направлена на источник опасности, который может быть как действительным, так и воображаемым. Страх ощущается как тревога, беспокойство и душевное смятение».

Интересно, мне нужно искать физическую или социальную угрозу, подумал профессор. Если взять ситуацию, которая происходит сейчас – то тут целый коктейль. Но если эта ситуация – метафора, то, что она описывает?

Насилие, которого не можешь избежать, если ты слаб?

Страх, что ты пытаешься донести свои мысли, а тебя не

понимают?

Недоумение, почему ты оказался в данной ситуации?

Физическая опасность – ведь если ты в клетке без еды и воды, ты через некоторое время погибнешь?

Одиночество?

Малиновский воскликнул: «Точно! Одиночество!» Он засмеялся. Он снова мог говорить.

Перед глазами опять все поплыло. Профессора уносило в очередную радужную воронку. На этот раз этот тоннель казался бесконечным. Вдруг, все внезапно закончилось.

Малиновский оказался у себя в лаборатории. Его выкинуло из процесса. Профессор взглянул на время – прошло аж 4 часа. Он осознал, что безумно устал и голоден.

Внезапно он почувствовал чей-то взгляд. Он повернул голову. Его пациент сам снял шлем и внимательно на него смотрел. Его взгляд был осознанным. Профессор подошел к мужчине.

– Здравствуйте, я Андрей, как зовут вас?

Мужчина открыл рот, но не смог произнести ни звука.

Профессор вспомнил, что происходило между ним и пациентом, когда он был в процессе в клетке. Он показал ему две ладони. Пациент посмотрел на свои ладони, и из глаз его потекли слезы.

Малиновский сам был готов заплакать, теперь он был настроен весьма оптимистично – пациент стал реагировать, а значит, надежда на улучшение его состояния есть.

Глава 5.

Профессор сидел в ротанговом кресле-качалке у себя в саду. Солнце медленно закатывалось за горизонт. Он тихонько покачивался, и просто наблюдал за природой. Слушал пение птиц, ощущал, как ветер ласково щекочет его лицо, наслаждался буйством красок вечернего заката, наблюдал, как колышутся листья и трава, вдыхал аромат цветов. Ему казалось, что он слился в единое целое с этим прекрасным моментом, и растворился в нем без остатка.

Вдруг, он ощутил аромат травяного чая – Янина несла поднос с чайником и чашками, и как всегда улыбалась. Она поставила поднос на столик, поцеловала Малиновского, и села рядом с ним.

– Хочешь чаю, дорогой?

– Это было бы идеально, милая!

Янина налила чай в чашки.

– Поделишься, что сегодня интересного произошло?

Спросила Янина. Ты сегодня такой задумчивый.

– Сегодня у меня был интересный опыт. Ответил Малиновский. Я работал с пациентом, и ощутил, что такое страх одиночества. Испытал те чувства, когда тебя не понимают. Он описал жене все, что происходило с ним в лаборатории во время процесса.

Янина задумалась.

– Интересно, страх одиночества может быть таким многогранным: можно быть одиноким в отношениях, одиноким в обществе. А еще я иногда думаю о пожилых людях, которые считают, что остались одни, причем они могут быть обеспечены всем необходимым, у них много родных, которые их периодически навещают, но им просто не интересно жить, они не видят в этом смысла.

Малиновский подумал о своей матери. После смерти мужа, она жаловалась, что ей очень одиноко. Она жила в другом городе, в собственном доме и с достойной пенсией. Ее там часто навещали ее младший сын и его дети с внуками. Но она говорила, что хотела бы жить в семье, что ей одной плохо. Профессор всегда очень болезненно переносил эти разговоры. Он всегда пытался подсказать ей, что можно найти какое-то интересное занятие, читать новые книги, но она каждый раз отмахивалась от него, повторяя: «Я ничего не хочу, я никому не нужна».

Вдруг он осознал, что сегодняшние события в лаборатории очередной раз показали ему его боль. Он вспомнил жемчужный шатер – его мама почти каждый день носила на шею жемчужное ожерелье. Оно было самым любимым – его подарил ей муж на годовщину свадьбы. Вот где связь. Видимо, Янина, поняла это из его рассказа о сегодняшнем исследовании и просто мягко подсветила ему этот момент.

Малиновский всегда очень переживал после общения с мамой, потому что не видел выхода из ситуации и не знал,

как ей помочь. Ему казалось, что после смерти отца – он стал ответственен за ее благополучие и счастье. И головой он понимал, что не может сделать ее счастливой, только она сама могла принять это решение, но сердцем эту ситуацию принять не мог. Это каждый раз разрывало его на части.

Как можно отпустить? Как можно не переживать? Почему я взял на себя ответственность за счастье другого человека?

Он повернулся к жене и спросил: «Янина, я очень переживаю по поводу мамы. Как думаешь, я смогу помочь ей обрести счастье?»

Янина покачала головой: «Дорогой, мы не можем заставить другого человека стать счастливым. Мы можем лишь поддержать твою маму и быть рядом, показывать своим примером, своим самочувствием и настроением, что жизнь – прекрасна и нужно наслаждаться ей столько, сколько нам отведено. Единственное, за что ты отвечаешь в данной ситуации – это за свое собственное расположение духа. И когда ты нервничаешь, переживаешь – твоя мама видит это, чувствует. Начни общаться с ней не из состояния «я должен сделать ее счастливой», а из состояния любви, душевного тепла, прими ее выбор. Чем больше ты сопротивляешься тому, что происходит – тем больше страдаешь, и то, что у тебя внутри неизбежно находит отражение снаружи».

У профессора на глаза навернулись слезы. Он всегда восхищался мудростью своей жены. И сейчас он ощущал такую поддержку и тепло, и огромную благодарность, что когда-то

счастливый случай их познакомил.

Янина взяла его за руку. Супруги молча сидели в уютном саду, наслаждаясь вечерним небом, воздухом, звуками, запахами, ощущениями.

Глава 6.

Профессор Малиновский сидел в своем кабинете в лаборатории, он барабанил пальцами по столу, просматривая записи сессий с пациентом, и обдумывал, стоит ли сегодня идти в процессинг, или дать пациенту один день отдохнуть.

Вдруг, зазвонил телефон. Это была защищенная правительственная линия.

– Опять этим министерским что-то нужно. Профессор тяжело вздохнул и взял трубку.

– Малиновский, слушает.

– Андрей Александрович, приветствую, беспокоит министр здравоохранения Калужский Сергей Геннадьевич.

– Да, Сергей Геннадьевич, добрый, узнал вас.

– Я бы хотел узнать, как дела у пациента, которого мы к вам направили.

– Пока проводим предварительное обследование, как будут результаты, я сразу вам сообщу.

– Андрей Александрович, нам крайне важно понимать, что вы уделяете этому пациенту максимум своего внимания. Мы обратились к вам как к самому авторитетному специалисту страны в области нейрофизиологии, и очень ждем результатов в кратчайшие сроки.

– Сергей Геннадьевич, я уделяю пациенту все свое время, но есть определенные этапы в обследовании и лечении, на

которых спешка может оказаться фатальной для пациента. Я свяжусь с вами сразу же, как будут результаты.

– Хорошо, спасибо, ждем скорой обратной связи.

На том конце повесили трубку. Малиновский чуть не запустил телефоном в стену. Он откинулся в кресле: «Блин, ну что за люди! Даже недели не прошло! Скорей им все надо!» И отправил немного нецензурных слов в потолок.

Он вскочил с кресла.

– Так, надо успокоиться, еще не хватало мне из-за чиновников переживать.

Малиновский вышел из здания и направился в лесополосу. Он захватил с собой обед, чтобы совместить приятное с полезным. На улице было пасмурно и ветрено. Тучи летели по небу словно спорткары на гонке «Формула-1».

– Ну и хорошо, комаров не будет. Профессор бодро зашагал к деревьям.

Через несколько минут ему попалась чудная полянка, он расположился на ней, облокотился спиной о сосну, и с аппетитом стал уплетать заботливо приготовленный Яниной обед. Она всегда клала ему маленькие записочки. В этот раз жена написала: «Слушай свое сердце, люблю тебя». Малиновский улыбнулся, мысленно послал жене благодарственный поцелуй, и просто несколько минут наблюдал за лесом, за ощущениями в теле, стараясь ни о чем не думать.

Профессор вернулся в здание и направился в палату к пациенту. Мужчина стоял у окна и смотрел вдаль.

– Это прогресс. Малиновский кашлянул.

Мужчина повернулся и зашагал к профессору. Он взял его за руки и приложил их к своей голове. Малиновский понял, что он просит подключить его к шлему, что он осознает, что процессинг ему помогает. Профессор кивнул, и они вместе направились в лабораторию.

Путешествие в неизведанные чертоги разума в этот раз началось с невесомости. Малиновский парил в необъятном пространстве. Вокруг была сплошная темнота, которую изредка прорезывали лучи света. Было очень холодно. Малиновский уже начал стучать зубами, когда сквозь темноту проступили очертания какого-то объекта. Его резко потянуло вниз. Он летел с такой скоростью, что казалось, что точно разобьется о приближающуюся поверхность.

Профессор закричал: «Стоооооооп!»

Его резко дернуло вверх, и он ощутил, что стоит на твердой поверхности.

– С каждым разом все интересней. Выдохнул Малиновский, и стал осматриваться.

Вокруг него возвышались величественные колонны в греческом стиле. Он находился в огромном каменном зале. Стены были украшены сценами битв. Профессор прислушался. Снаружи раздавались ритмичные гулкие звуки. Он начал искать выход, чтобы посмотреть, что происходит. Обойдя весь зал, он, наконец, увидел нечто, похожее на дверь – это был цельный кусок камня неправильной формы, без рисунков и

с причудливой ручкой в виде гарпии.

Малиновский с большим трудом открыл дверь. В лицо ему ударил жаркий ветер, пахло песком и чем-то сладким. Солнце нещадно палило в самом зените. Профессора буквально ослепило – настолько ярким было солнце. Теперь он четко слышал, как множество голосов кричат: «Жертва! Жертва! Жертва!»

Профессор направился на шум голосов. Он шел по древнему городу. Улицы были абсолютно пустыми.

– Наверное, все собрались в одном месте. Подумал Малиновский.

Вскоре, он вышел к исполинскому сооружению, напоминавшему стадион. Он весь был заполнен людьми. На трибунах люди продолжали скандировать «Жертва!» На арене находились несколько человек – они были прикованы кандалами к столбам и стояли на коленях. На головы им были надеты красные мешки.

Малиновский стал рассматривать людей на трибунах. Практически все они были в светлых туниках и вооружены. На головах некоторых были венки.

– Интересно, а я сейчас как одет? Малиновский стал себя осматривать. На ногах у него были сандалии, на теле белая туника, подпоясанная кожаным кушаком.

– Хорошо, что мешка на голове красного нет, усмехнулся профессор.

Вдруг, наступила тишина. На арену вышел человек в зо-

лотой тунике. Он встал посередине и закричал:

– Граждане Ыбара, сегодня мы вместе уничтожаем ржавчину на железном теле нашего общества. Мы безжалостно удаляем из нашего совершенного мира тех, кто не готов пожертвовать собой ради общего блага. Мы очищаем наше государство от тех, кто сеет инакомыслие в наших рядах и смеет иметь мнение, отличное от мнения Верховного Совета.

Он поднял руку вверх и дал знак палачам. На арену вышли два высоких человека в черных одеждах, лица их скрывались за капюшонами. Начищенные кинжалы в их руках сверкали на солнце словно бриллианты.

Стадион взревел.

Профессора начало подташнивать от осознания того, что сейчас произойдет. Он отвернулся. Вдруг, он ощутил, что его кто-то взял за руку. Он поднял взгляд – перед ним стояла молодая женщина. На ней был красный плащ. Волосы скрывались под красным платком. А глаза ее были фиолетового цвета. Малиновский удивился – такого он еще не встречал. Женщина знаками показала, чтобы он следовал за ней.

Она шла очень быстро, профессор буквально бежал за ней. Через несколько минут они зашли в дом. Он был небольшим, но уютным. Возле стены стояла небольшая тахта, посередине лежал мягкий ковер, на котором стоял небольшой стол, а вокруг него были расположены разноцветные подушки. Женщина указала на середину комнаты, приглашая Малиновского присесть за стол. Она скрылась в

небольшой комнатке слева, и вскоре вынесла кувшин с водой.

Вдоволь напившись после изнурительной жары, профессор произнес:

– Здравствуйте, я профессор Малиновский Андрей Александрович, как зовут вас?

– Я – Свобода. И я знаю, кто вы.

– Расскажите, для чего я здесь?

– Вы сами должны это осознать. Это произошло бы быстрее, если бы я оставила вас у амфитеатра.

– А что бы было, если бы я остался там?

– Вас бы схватили как инакомыслящего, затем подвергли пыткам, выставили на общее порицание, и в итоге казнили.

– Инакомыслящего? И почему бы они решили, что я инакомыслящий?

– Потому что вы осознаете, что на самом деле происходит. Что на самом деле убивают людей. Потому что вы отвернулись и не смогли смотреть на казнь. Вы слышали то, что произнес Демагог? Что их казнят за то, что они думают по-другому. Они не убили, не украли, они просто имели свое мнение на происходящее вокруг.

Профессор задумался о том, для чего он сейчас слышит эти слова. Что он должен понять про себя? Что должен понять про пациента? Он вспомнил про звонок из министерства. До этого момента он не задавался вопросом, а для чего его попросили исследовать пациента. Он даже не думал про

пациента как про человека, у которого есть семья, друзья, жизнь, работа. Он был просто пациентом – объектом исследования.

– И это правильные вопросы. Женщина улыбнулась.

Малиновский опять провалился в темную невесомость. В этот раз он точно понимал, что делать дальше.

Глава 7.

Профессор парил в невесомости. Он обдумывал то, что увидел несколько мгновений назад. Сейчас он чувствовал, что в данный момент этой виртуальной реальностью управляет уже он сам.

– Я хочу увидеть пациента. Он произнес эти слова громко и четко.

Малиновский очутился на берегу реки. Он смотрел, как возле воды играют дети – мальчик лет 12 и девочка 7-ти лет. Они весело смеялись и брызгали друг друга речной водой.

– Нда, видимо, мысли свои нужно формулировать более четко. Но, значит, это важно.

Профессор сел на траву и облокотился о дерево. Он наблюдал за детьми и ждал, что произойдет дальше.

Через некоторое время мальчик заметил профессора. Он взял за руку девочку, и они вместе подошли к Малиновскому.

– Здравствуйте, вы заблудились?

– Да. Ребят, вы можете подсказать мне, где я нахожусь?

– Вы попали в частные владения. Я могу проводить вас к дороге в Семикаракорск. Как вас зовут?

– Я Малиновский Андрей Александрович, профессор нейрофизиологии.

– А мы Егор и Алина Калужские, пока учимся в школе.

Мальчик хитро прищурился. Пойдемте, тут недалеко.

Неужели это сын Министра здравоохранения? Малиновский попытался скрыть удивление, но мальчик заметил его выражение лица.

– Вы удивились, что мы учимся в школе? Мальчик улыбнулся.

– Нет, просто фамилия ваша мне знакома. А папу вашего случайно не Сергей Геннадьевич зовут?

Тут уже удивился мальчик.

– Да, а откуда вы узнали? Ааааа, вы же профессор, наверное, вы вместе работаете?

– Ну, можно и так сказать. А ты сам кем хочешь стать, когда вырастешь?

– Я буду хирургом, как папа! Мальчик гордо выпятил грудь.

Профессор улыбнулся.

– Да, это хорошая профессия.

– Ну, вот мы и пришли. Вам нужно сейчас идти направо, до города примерно километр.

Они стояли у развилки.

– А нам домой, в другую сторону. Приятно было познакомиться!

Мальчик помахал Малиновскому, и они с сестрой направились к своему дому.

– Взаимно! Спасибо, что показали дорогу.

Профессор помахал мальчику в ответ, и пошагал в сторо-

ну города.

– Ну что ж, теперь я знаю кто мой пациент. Теперь нужно выяснить, что с ним произошло.

Он остановился, и громко произнес.

– Хочу увидеть, что произошло с пациентом.

Ничего не изменилось. В лесу захохотала птица, да, именно захохотала. Малиновскому показалось, что над ним.

Он повторил еще раз: «Хочу увидеть, что произошло с пациентом!»

В лесу начали кричать уже несколько птиц, причем звуки эти опять напоминали хохот.

– Ясно, намек я понял. Может мне нужно в Семикаракорск? И я что-то важное узнаю там?

Профессор направился в сторону города. Дорога была пустынной, не попадалось ни людей, ни машин. Только белка перебежала через дорогу, и скрылась в высокой траве.

Через несколько минут Малиновский увидел очертания высоток над деревьями. Он прибавил шаг. Появились первые дома – они выглядели пустынными и не обжитыми. На улице было тихо, даже собаки не лаяли.

– Почему город такой безлюдный? Профессор направился к центру.

Было ощущение, что в городе он один. Малиновский дошел до небольшой площади. Справа находилось несколько билбордов с объявлениями. Малиновский решил подойти посмотреть поближе.

Тут были объявления о пропаже людей. Три билборда с пропавшими людьми – такого профессор еще не видел. Он ужаснулся.

Вдруг, его взгляд упал на фотографию, с которой на него смотрели Егор и Алина Калужские.

– Вот, что случилось. Их похитили? Кто и зачем? Профессора захлестнули эмоции. Что произошло со всеми этими людьми? Это было похоже на какой-то адский эксперимент.

У Малиновского закружилась голова. Он присел на скамеечку, закрыл глаза и сосредоточился на дыхании, чтобы прийти в себя. Ему хотелось завершить процесс. Профессор вдруг ощутил огромную усталость.

– Остановить процесс.

Малиновский открыл глаза. Он находился в своей лаборатории. За окном было совсем темно. Его пациент спал. Профессор бережно снял шлем с Егора и уложил его на кушетку. Затем позвал дежурного и оставил указания: «Наблюдать, а когда проснется отвести в палату».

Он вышел из лаборатории. Воздух был влажным и холодным. Громко пели сверчки. На небе был виден серп луны. Малиновский вдруг ощутил огромную благодарность за то, как сложилась его жизнь, что не было в ней таких страшных потрясений, что было много радостных событий и чудесных людей. Он ощущал безграничную любовь ко всему вокруг.

Профессор сел в свой ретро вольво, и поехал домой – к любимой жене, рыжему коту, старому скрипучему дому, бо-

гаторому саду, ко всему тому, что он так сильно любил.

Глава 8.

Малиновский открыл глаза. Утро было солнечным и ласковым. Рядом растянулся рыжий кот – он сладко дрых, посапывая и иногда подергивая лапами и хвостом. Янина уехала в командировку на несколько дней, поэтому мужская половина была предоставлена сама себе.

Профессор скинул одеяло и энергично соскочил с постели. Его ждала утренняя пробежка. Утренний заряд бодрости. Он умылся, одел спортивную форму. Кот продолжал сладко спать.

Малиновский установил норму дистанции в 5 км, сделал небольшую разминку и выбежал из дома. Трава была мокрой от росы, ноги немного скользили.

– Сегодня дополнительная нагрузка. Улыбнулся про себя профессор. Удерживаем равновесие.

Во время пробежки он обычно старался сосредоточиться на дыхании и освободить голову от мыслей, но сегодня ему это удавалось крайне тяжело. Он обдумывал то, что случилось накануне. Вчера вечером он пытался найти информацию о похищениях людей, но ничего похожего на то, что было в процессинге, не обнаружил. Ему не терпелось поговорить с пациентом, но он предполагал, что, скорее всего, у Егора поврежден речевой центр и это невозможно.

Неопределенность приносила боль почти на физическом

уровне. Профессор опять сосредоточился на дыхании и стал считать, чтобы не дать мозгу генерировать новые мысли.

Браслет на руке выдал оповещение, что дистанция пройдена. Малиновский добежал до дома, принял душ, и поехал в лабораторию, даже не позавтракав.

Профессор буквально влетел в здание и направился в свой кабинет. Он открыл снимки мозга пациента и стал внимательно рассматривать участки, отвечающие за речевую функцию.

– Никаких аномалий. Все в пределах нормы. Малиновский внимательно смотрел на экран. Ну что ж, значит, будем продолжать терапию через Процесс – тем более результат достаточно хороший.

Он направился в палату к пациенту – ему как раз принесли завтрак. Профессор остался за дверью и в небольшое окошечко наблюдал, как тот ест – он делал это очень осторожно, очень долго жуя каждый кусочек. Егор был полностью сосредоточен на этом процессе, как будто больше не существовало ничего вокруг. Его лицо было очень спокойным, даже умиротворенным.

У Малиновского заурчал желудок – он осознал, что сам очень голодный. Профессор направился на кухню. Повар выдала ему порцию омлета. И он, примостившись у окна, с удовольствием позавтракал.

Малиновский вернулся к себе в кабинет, по дороге дав указания дежурной сестре, что как только пациент позавтра-

кает, привести его в лабораторию и сообщить ему. Он ходил по кабинету туда и обратно, прошло уже 20 минут.

– Почему же так долго. Пробурчал профессор.

Наконец, зазвонил телефон, и дежурная сестра сообщила, что пациент в лаборатории и готов к процедуре. Малиновский хлопнул в ладоши и направился туда.

Когда профессор вошел в помещение, пациент сидел на кушетке и что-то задумчиво напевал под нос. Малиновский подошел к нему и произнес: «Я знаю, как тебя зовут – Егор Калужский».

Егор поднял глаза и зарыдал. Его тело сотрясилось, он закрыл лицо руками.

Профессор присел рядом с пациентом и приобнял его.

– Егор, я очень постараюсь тебе помочь. Ты можешь доверять мне.

Мужчина, продолжая всхлипывать, посмотрел на Малиновского и кивнул.

– Ты готов сейчас продолжать? Профессор указал на шлем.

Егор кивнул. Он перестал плакать, и вытер мокрое от слез лицо рукавом рубашки.

Малиновский ободряюще улыбнулся и надел на пациента шлем. Он вернулся к своему столу и подключился к процессу.

Профессор очутился в огромном ангаре. Он стал осматриваться и попытался встать, но почти упал, так как был при-

кован цепями к трубе, которая висела в двадцати сантиметрах от пола. Ноги сковывали кандалы, они позволяли сделать только небольшой шаг. Хорошо, хоть цепи свободно двигались по трубе.

– Ясно, я снова не управляю реальностью. Она управляет мной.

Малиновский, кажется, уже стал догадываться, что когда он находился в нестабильном состоянии – он неизбежно должен был проработать свои страхи и сомнения, и Процесс неизменно давал ему такую возможность развития собственной психики. Пока не разберешься с собственными «тараканами» – до чужих тебя не допустят.

Профессор вздохнул.

– Интересно, ноги в кандалах, а руки свободны. Он стал более внимательно осматривать трубу, к которой были прикованы его ноги – она тянулась далеко в стороны. И куда двигаться? Влево или вправо?

Он прислушался. Слева раздавался едва уловимый шум.

– Ну что ж, видимо, туда. Малиновский аккуратно встал и маленькими шагами стал двигаться в левую сторону. Как гейша на окобо, профессор рассмеялся вслух, настолько комично он сейчас, наверное, выглядел со стороны. Его смех отражался долгим эхо, как будто он находился в бесконечной трубе.

Профессор уже сильно устал, но пока не изменилось ничего, кроме того, что шум стал более явным. Он сел на пол

передохнуть, и стал рассматривать его. Пол был похож на янтарь – глубокого коньячного цвета, полупрозрачный. Малиновский коснулся его рукой – он был гладким и слегка теплым.

Он опять задумался над тем, почему его ноги скованны, а руки свободны. Профессор присмотрелся к кандалам – похоже, они были сделаны из того же материала, что пол. Он попробовал поцарапать их ногтем, и почувствовал легкий хвойный запах.

– Канифоль, это же канифоль! Малиновский стал пытаться разбить кандалы об трубу. Через несколько минут, весь в осколках от смолы, он был свободен. Почему я раньше не догадался? И почему канифоль?

С этим материалом он сталкивался только когда в детстве, играл на скрипке. Канифолью он натирал смычок. Профессор вспомнил свою учительницу музыки. В голове всплыли слова: «Андрей, ну ты и торопыга, давай медленнее, за тобой никто не гонится».

– Торопыга. Вслух произнес Малиновский. Да, я постоянно тороплюсь. Я постоянно пытаюсь сделать все побыстрее – в итоге делаю ошибки. И мне тяжело работать с людьми, которые делают все медленно. И сегодня утром я опять торопился. Куда я тороплюсь? Куда бегу? Или от кого или чего? Профессор поднялся на ноги, теперь он мог идти намного быстрее, и он направился в сторону шума.

В голове была пустота. Как будто все его мысли исчезли.

Малиновский шел как в тумане по невидимому внутреннему компасу – он просто знал, что идет туда, куда нужно. Через некоторое время он увидел свет – эта огромная труба закончилась, он вышел к исполинскому сооружению. Оно было абсолютно прозрачным, состоящим из небольших помещений. Это сооружение походило на огромный улей с сотами.

Профессор подошел совсем близко. У него перехватило дыхание. В каждой ячейке стояли больничные каталки, к которым были пристегнуты люди, на некоторых лежали дети. В их глазах читался ужас.

Тут Малиновского кто-то взял за локоть, он обернулся и увидел пожилого мужчину, он был лысоватый, в очках, небольшого роста с глубокими морщинами на лбу.

– Андрей Александрович, мы уже вас заждались. Пойдемте внутрь.

Профессор был немного ошарашен.

– Вы меня ждали? Кто вы?

– Ну что вы смотрите на меня как будто неродной. Я – Исследователь. Вы же сами хотели посмотреть, что с Егором произошло. Следуйте за мной.

Мужчина двинулся шаркающими шагами вдоль сооружения. Малиновский последовал за ним. По дороге он продолжал рассматривать людей в стеклянных кубах – некоторые были подключены к неизвестным профессору аппаратам.

Они подошли ко входу в здание, мужчина повернулся к Малиновскому.

– Андрей Александрович, вам можно только смотреть и задавать вопросы, подходить к испытуемым, прикасаться к ним строго запрещено.

Профессор кивнул.

Мужчины вошли в здание. Перед ними предстали лабиринты из прозрачных ячеек. Малиновский шел и думал: «Неужели это все испытуемые? Что это за место? И что тут испытывают?»

Только он открыл рот, чтобы задать эти вопросы, как Испытатель произнес: «Вот Егор. Я напоминаю, вы можете только наблюдать и спрашивать». И исчез в лабиринтах ячеек.

Профессор увидел Егора. Тут ему можно было дать от силы лет 20. Он сидел на полу, облокотившись о прозрачную стену, и что-то читал. Малиновский подошел вплотную ко входу в ячейку.

– Здравствуй, Егор.

Молодой человек поднял голову и вопросительно посмотрел на профессора.

– Вы пришли за результатами теста? Я еще не доделал.

– Нет, я не отсюда. Я бы хотел задать тебе несколько вопросов о том, что тут исследуют.

Егор задумчиво кивнул.

– Из нас пытаются создать совершенных людей, ради будущего. Так мне сказали, когда привезли сюда.

– Ты здесь добровольно?

– Поначалу, я очень хотел вернуться домой, но потом осознал, что то, что я вместе со всеми тут создаю, намного важнее.

– Можешь подробней описать, как из вас создают совершенных людей?

– Нас обучают быть одинаково успешными во всех областях. Тех, кто не справляется, отсеивают и отправляют обратно домой. Те из нас, кто дойдет до конца, станут эталоном для остальных. Мы будем принимать решения о том, каким должно быть будущее.

Малиновского начало уже немного потряхивать.

– Егор, а ты знаешь, кто руководит этим проектом?

– Конечно, это государственный проект.

Профессор не мог поверить своим ушам. Неужели министр сам поместил своего сына сюда.

– А вам разрешают видеться с родными?

Егор грустно вздохнул.

– Нет, любое взаимодействие запрещено. Это может повлиять на чистоту исследований. Я не могу даже видеться с сестрой. Мы все контактируем только с Исследователями. Я очень удивлен, что вам разрешили пообщаться со мной. Возможно, это какая-то проверка или тест.

Малиновский начал осознавать, почему перегородки прозрачные, чтобы все эти люди могли видеть друг друга, иначе – можно сойти с ума от одиночества. Он ощутил, что кто-то тронул его за локоть.

– Андрей Александрович, вам пора.

Профессор обернулся. Перед ним стоял Исследователь. Он показал Малиновскому, чтобы тот следовал за ним.

Малиновский попрощался с Егором и пошел за женщиной. Он думал про себя: «Хорошо, Егор участвовал в государственном эксперименте, видимо, что-то пошло не так, но что именно? И почему он сейчас общался с 20-тилетним юношей, когда его пациенту уже 30. Что произошло за эти 10 лет? Как можно выдержать столько лет одиночества? Каким процедурам его подвергали?»

– Исследователь, у меня есть вопросы, я могу вам их задать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.